

УДК 393.4

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОРЫСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Вишневецкий К. В.

Краснодарский университет МВД России

Статья посвящена виктимологическому моделированию корыстной преступности. На сегодняшний день теория виктимологического моделирования преступности учитывает недостаточно изученные криминологией виктимологические характеристики корыстной преступности, играющие особую роль в совершении корыстных преступлений и их социально-правовой оценке. Корысть представляет собой обширную палитру материальной выгоды и одновременно является базовым элементом виктимологического моделирования корыстной преступности. В виктимологическом моделировании корыстного преступления виктимное поведение жертвы играет особую роль. Зачастую именно жертва является провокатором совершенного против нее преступления. Действия корыстного преступника напрямую зависят от поведения жертвы, которая своими противоправными или аморальными и виктимными поступками создает условия для формирования преступного замысла. Создание виктимологической модели корыстной преступности основано на том, что корысть является ядром виктимности на всех уровнях, как на индивидуальном уровне, так и на групповом.

Ключевые слова: криминология, виктимология, виктимность, виктимизация, виктимологическое моделирование, корысть, алчность, мотив, корыстная преступность.

Испокон веков история развития общества напрямую связана с разрешением различных социальных противоречий, о чем размышляли еще древние философы. Аристотель называл источником противоречий имущественное неравенство, отмечая его несправедливость, а стремление к богатству правителей, по его мнению, приводит к недовольству простых граждан [29, с. 201].

В своем трактате «Левиафан» Т. Гоббс отмечал, что причиной межличностных противоречий является неравенство общественного положения, естественное неравенство, соперничество людей, готовых преступить закон из-за этого [8]. Эти идеи были развиты Д. Локком во «Втором трактате о государстве», в котором философ говорит о важности разделения власти на законодательную и исполнительную в целях справедливого разрешения социальных противоречий [19, с. 135-406]. Далее, Ш. Монтескье развил теорию разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. Существенный вклад в поиске ответов на вопросы о преодолении социальных противоречий с использованием ненасильственных форм внес К. Маркс, который утверждал, что главной причиной становления общества является классовая борьба, в основе которой, в свою очередь лежат антагонистические противоречия между эксплуататорами и эксплуатируемыми, возникающие из их экономического неравенства в обществе [27, с. 8-9].

Корысть как стремление к присвоению материальных ценностей, созданных чужим трудом, возникает при определенных социальных предпосылках [22, с. 113]. Возникновение корысти как социально-психологического феномена традиционно относят к разделению общества на классы и появлению частной собственности.

Чтобы определить «корысть» необходимо выяснить, на каком этапе развития общества зародились предпосылки к ее возникновению. Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» выделил три этапа развития человеческого общества – дикость, варварство, цивилизация [34; 18]. На диком этапе развития общества для корысти не было предпосылок. Позднее, начиная со второго этапа, прибавочный продукт стал первой предпосылкой появления корысти, т.к. созданный совместными усилиями племени прибавочный продукт выступал предметом обмена с другими племенами. Так, стремление к богатству, корысть становится основным мотивом поступков человека, поскольку избыточные материальные ценности обеспечивают экономическую независимость человека. Виктимогенное поведение определяют низменные желания, страсть к наживе в первую очередь. Некоторые ученые отмечают, что корыстный мотив – один из самых сильных побудителей человеческой активности [21, с. 43-45]. Потребность человека в еде, одежде, жилье и других материальных благах, пожалуй, объясняется первобытным инстинктом самосохранения, который трансформируясь с развитием человечества обеспечил жизненную ценность достатка и богатства. С развитием человеческой цивилизации этот инстинкт приобрел гипертрофированные формы, и толкает современного человека на совершение корыстного преступления или является элементом виктимологической модели корыстной преступности.

Базовыми мотивами преступного поведения являются мотив утверждения индивида в социуме вообще (в большой социальной группе) и, что еще более важно, в референтной ему малой социальной группе, а также мотив самоутверждения, т.е. удовлетворение потребности быть значимым для самого себя (в собственных «глазах»). Непосредственно реализации этих мотивов предшествует актуализация в эмоционально-чувственной сфере психики преступника особых психоэмоциональных состояний: гнева, зависти, уныния, страха, также именуемых в христианско-антропологическом, экзистенциально-психологическом, глубинно-психологическом и криминолого-антропологическом учениях как страсти (гнев, гордыня, тщеславие, зависть, алчность, страх, чревоугодие, вожделение, апатия). Исток силы страстей, приводящей к удовольствию и (или) к страданиям лежит в неудовлетворенных потребностях человека. Сама специфика неудовлетворенной потребности при сочетании определенных обстоятельств может напрямую соответствовать доминированию в человеке конкретной страсти, определяющей в конечном итоге своеобразие и специфику преступного поведения. В психике (в особенности бессознательной ее части) человека с доминирующими личными интересами (эгоизм, самолюбие) глубинная основа и главная движущая сила страстей – гордость – получает свое «свободное волеизъявление» и приходит в движение, формируя мотив и умысел на совершение преступления [13].

Корысть как мотив совершения преступления и виктимогенный фактор в виктимологической модели корыстной преступности занимает центральное место. Корысть – это распространенное и сильное побуждение, детерминирующее поведение человека. По силе воздействия на личность и динамической способности вызывать активность человека она не имеет равных и уступает лишь инстинкту размножения. Как признак антиобщественного поведения корысть появилась после мести в истории человечества [6, с. 42-45].

В систему корыстной преступности, вероятно, можно включить многие виды преступлений, совершаемых по корыстным мотивам (например, торговлю людьми, наркотиками и оружием, коррупционные и компьютерные преступления). Однако в данной статье о виктимологическом моделировании корыстной преступности мы рассмотрим лишь общеуголовные корыстные преступления против собственности, поскольку с виктимологической точки зрения именно они наиболее показательны.

Общеуголовная преступность представляет собой массовое, системное, криминальное (уголовно запрещенное) поведение части членов общества, не отягощенное, с криминологической точки зрения, другими специфическими объективными (сфера общественных отношений, на которую посягает преступление, жертва преступления, уровень организованности преступной деятельности) и/или субъективными (личность преступника, мотивационная (например, экстремизм и терроризма) или целевая направленность) характеристиками (признаками) [12, с. 9]. Общеуголовными корыстными преступлениями называют преступления против собственности, которые совершаются в формах прямого незаконного завладения чужим имуществом [3, с. 165; 4, с. 287; 20, с. 231].

Корысть является самой распространенной криминогенной мотивацией в механизме совершения преступления. Кроме того, стремление человека обогатиться любыми способами увеличивает количество жертв корыстных преступлений, пострадавших от своего же виктимогенного корыстного поведения. Хотя нельзя забывать и о невинных случайных жертвах корыстной преступности [16]. Криминологическая и виктимологическая оценки побуждений преступника и жертвы не меняют содержания корысти, т.е. стремления получить материальную выгоду общественно порицаемым способом.

Сегодня наблюдается стремление приспособиться к культуре денег и богатства, снижение общего уровня честности населения, представляющее собой виктимогенную угрозу для общества. Поэтому, основным системообразующим признаком виктимологического моделирования корыстной преступности является корысть, характеризующая мотив и поведение преступника и жертвы. В соответствии с экономическими и социально-политическими историческими особенностями страны законодатель по-разному оценивал корыстные деяния. В современном уголовном законодательстве понятие «корысть» не закреплено. Вместе с тем этот термин (и его производные: «корыстные побуждения», «корыстная заинтересованность», «извлечение дохода», «извлечение имущественной выгоды», «по найму») активно используется как самим законодателем (прежде всего в примечании 1 к ст. 158 УК РФ), так и в судебной практике, и в научной сфере [31].

В уголовной статистике, как правило, отсутствует выделение корыстных преступлений в самостоятельную группу. В действительности из корыстных побуждений могут быть совершены разнородные преступления, посягающие на собственность, личность, государство, правосудие, управление [7, с.123; 15; 35, с. 22]. И корысть во многих преступлениях – не единственный мотив, хотя это обстоятельство не влияет на квалификацию преступления.

Основой построения виктимологической модели корыстной преступности является взаимодействие негативного социального явления с жертвой, с помощью изучения которого совершенствуются пути коррекции такого взаимодействия. Так, виктимологическая ситуация дает жертве возможность выбора, но часто, к сожалению,

нию, жертва выбирает неверный вариант поведения в силу своих виктимогенных качеств и поведения корыстного преступника. В ситуациях, где жертва ведет себя виктимологически адекватно или нейтрально, виктимность связана с болезнью, возрастом и некоторыми другими физическими характеристиками. Однако известны жертвы, пострадавшие по собственной вине от корыстных преступлений, которые виктимогенным поведением создавали возможность обмана и злоупотребления их доверием.

Не всем жертвам корыстной преступности присущи одинаковые виктимные свойства, но это не исключает необходимость виктимологического моделирования корыстной преступности. К индивидуальным виктимным свойствам личности в модели корыстной виктимности относятся такие негативные черты потенциальной жертвы, как алчность, стремление к легкой наживе, лживость или, наоборот, излишняя доверчивость, инфантильность. Моделируя ситуацию корыстной виктимизации необходимо учитывать особое значение состояния опьянения жертвы преступления, которое в большинстве случаев является неотъемлемой частью досуга и отдыха и позволяет выделить самостоятельную модель корыстной виктимизации.

Латентная виктимность способствует рецидивной виктимизации (возможно снова латентной) и последующей виктимизации пока еще потенциальных жертв. Негативные последствия латентной виктимности проявляются в том, что: большая часть корыстных преступлений не раскрывается; жертвы не могут получить компенсацию и виктимологическую помощь. Кроме того, вследствие латентной виктимности снижается уровень виктимологической безопасности граждан.

Жертва корыстного преступления выступает в качестве информативного источника преступления. Опираясь на сведения о жертве корыстного посягательства, сотрудники правоохранительных органов могут более эффективно решать вопросы квалификации корыстного преступления, отграничения его от смежных преступлений и назначения справедливого наказания преступнику.

Анализ криминологической литературы и статистических показателей дал основание для создания виктимологической модели поведения жертв корыстных преступлений, где наиболее показательна виновная виктимность, проявляющаяся в аморальных действиях жертвы в целях незаконного обогащения.

Разбой и грабеж – преступления, которые связывают насильственную и корыстную преступность, совершаются путем завладения чужого имущества насильственным способом, т.е. с применением психического или физического насилия [10; 11]. Виктимологическая модель грабежей и разбоев основана на не критичном и нейтральном поведении жертв и случайности виктимологической ситуации. Обычно жертвы неспособны защитить себя и оказать сопротивление преступнику.

Широко распространилось *вымогательство*. Жертвами этого корыстного преступления становятся лица любого пола, возраста и материального положения. Модель виктимологической ситуации вымогательства характеризуется продолжительностью и естественной латентностью [24, с. 4].

В системе корыстной преступности во все времена наибольшей «популярностью» у преступников пользовались кражи. Виктимность от краж носит массовый характер. *Кража* – корыстное преступление, в котором всегда есть жертва. Модель виктимности от кражи состоит из нейтрального, а порой и положительного поведения жертвы в обычной жизни, вне виктимологической ситуации, которая может

возникнуть в случае: употребления спиртных напитков жертвой, в результате проявляется неспособность осознавать виктимогенность ситуации; неразборчивости в социальных связях; беспечном отношении к сохранности своего имущества.

Виктимологическая модель корыстного преступления на примере квартирных краж. Географическая модель виктимности жертв квартирных краж, связана с городскими «спальными» районами и «спальными» населенными пунктами, где разобщенность жителей выступает одним из важных условий совершения этих преступлений. Квартирные кражи относятся к так называемым городским преступлениям: большинство их совершается в городах. Условия городской жизни более виктимогенны, чем условия жизни в сельской местности. Это объясняется высокой плотностью населения в городах, интенсивными миграционными процессами внутри города, изолированностью городских жителей. Еще П.А. Кропоткин отмечал, что в «городах мы живем в чересчур большом разъединении друг от друга..., каждый заботится лишь о себе или, самое большое, о ближайших своих родных» [17, с. 358].

Сейчас жильцы многоквартирных домов часто малознакомы или вообще не знают друг друга. На распространенность квартирных краж особенно влияет и тот факт, что в больших городах возникли так называемые «спальные» районы.

Опытные преступники, отбирая претендентов на роль жертвы квартирных краж, исходят из ряда определенных признаков, среди которых:

- а) обладание лицом значительными материальными средствами (наличные деньги, престижные автомашины, дорогие жилье и обстановка);
- в) факты аморального или безнравственного, как, впрочем, и преступного поведения жертвы.

Наиболее важным элементом виктимологической модели *мошенничества* является не критичное поведение жертв, поэтому можно предположить, что количество таких жертв будет непременно расти. Вместе с тем множество жертв с положительным поведением оказывались в ситуациях, не дававших оснований для виктимологически настороженного поведения, т.к. преступники заранее и хорошо продумывали схемы совершения корыстного преступления. Все же и в таких ситуациях нельзя сбрасывать виктимологическую ответственность с потенциальных жертв, т.к. именно отсутствием подозрительности, доверчивостью, желанием легко получить много и сразу пользуются корыстные преступники, заманивая жертв агрессивной рекламой, заваливая потоком недобросовестной экономической информации. Корыстная преступность причиняет большой вред обществу, поскольку втягивает, привлекает тысячи людей, жаждущих обмануть других. Ложь стала явлением постоянным. Кожли все чаще прибегают в средствах массовой информации, рекламе, строительстве, страховом деле, использовании компьютерной техники, средств сотовой связи. Криминологический механизм мошенничества стал более сложным и разнообразным [1].

Рассуждая о значении корысти как преступного мотива, А.Л. Ситковский отмечает, что «поскольку общеуголовная корыстная преступность органически связана с характеристикой социально-экономической системы (формации), а сущность любой формации составляют отношения собственности, то рассматриваемый вид преступности генетически связан соответственно с определенной системой отношений собственности. Именно поэтому рост преступности преимущественно за счет корыст-

ной ее части можно рассматривать как закономерное явление при смене общественного строя и развитии рыночных отношений» [26, с. 31].

Значение корысти, алчности в поведении человека наглядно продемонстрировано в произведении Оноре де Бальзака «Гобсек», где главный герой – пример того, «до чего может дойти скупость, превратившаяся в безотчетную, лишенную всякой логики страсть» [2]. Гобсек – типичный представитель общества, для которого накопительство, алчность являются важными условиями самоутверждения.

Психологическое отношение к деньгам, коррелирующее с виктимностью связано с источником их происхождения. В дихотомичной модели противостоят экономное отношение к заработной плате и расточительное отношение к случайному доходу. Характер окружающей среды влияет на взаимодействие виктимологической ситуации и виктимологических особенностей личности жертвы корысти. Виктимогенные корыстные угрозы заметно возрастают в праздники, особенно в Новый год, во время отпусков, дней рождения.

Корыстная виктимность зависит и от ролевого положения, в котором находится человек. Психологи отмечают, что корыстная виктимность связана с отношением к собственным деньгам и зависит от ряда факторов: пола, возраста, социального положения жертвы корысти. Так, мужчины придают деньгам повышенную ценность, вместе с умелым обращением с деньгами, они склонны к риску в целях их приобретения, что, безусловно, повышает корыстную виктимность. Женщины обычно выражают беспокойство по поводу отсутствия денег и испытывают зависть к их обладательницам. Вместе с тем, женщины часто используют покупки как психотерапию, в отличие от мужчин. Кроме того, корыстная виктимность связана с уровнем самооценки и экстраверсии жертвы корысти [9].

Для виктимологического моделирования корыстной преступности необходимо определить уровень жадности жертвы, причем исходя из того, что данное качество является комплексом двух самостоятельных личностных качеств – алчности и скупости [32]. Алчность имеет два значения: жадность, корыстолюбивость; страстное желание чего-нибудь, ненасытность. Понятие «жадность» имеет три свойства личности: скупость, корыстолюбие; чрезмерное стремление удовлетворить свое желание; настойчивость в стремлении удовлетворить свое желание [23]. С позиций виктимологического моделирования, наибольший интерес представляют личности, обладающие алчностью, т.е. стремящиеся получить как можно больше, приумножить доходы. В то же время скупость выступает антивиктимогенным свойством личности, т.к. предполагает стремление человека потратить как можно меньше, уменьшить расходы [5; 32].

Уровень жадности у женщин обычно выше, чем у мужчин, что объясняет повышенную женскую корыстную виктимность. Часть населения с высоким уровнем фрустрации и нереализованных потребностей более склонна к накоплению ресурсов, неохотно расстаются с деньгами [28], что является антивиктимогенным корыстным свойством личности и обеспечивает их виктимологическую безопасность от корыстной преступности. Кроме того, личности с повышенным уровнем тревожности обладают высоким невротизмом и проявляют скупость, - вероятно, наличие денег создает ощущение социальной и экономической защищенности, что препятствует их корыстной виктимизации. В свою очередь алчные, завистливые личности склонны перекладывать экономическую ответственность на других людей и

внешние обстоятельства, и это, несомненно, является виктимологической провокацией корыстного преступления против них (некритичный тип виктимного поведения) [32].

Виктимологическому моделированию корыстной преступности способствует разработанная в виктимологии классификация [30, с. 41-50], которая позволяет создать типологическую модель жертв, выделив присущие им специфические признаки и особенности. Корыстное поведение характеризует свойства самой личности, поскольку его мотивация и личность жертвы взаимосвязаны. Личностные черты жертвы корыстной преступности накладывают отпечаток на мотивацию, а мотивы, закрепившись в виктимном поведении, деформируют личность жертвы [14, с. 10].

Следует акцентировать внимание на виктимологических признаках жертв корыстных преступлений. Эти признаки в виктимологическом моделировании корыстной преступности рассматриваются в виде совокупности личностных свойств жертвы и различных жизненных обстоятельств, которые прямо или косвенно связаны с преступным посягательством. Такая система представляет собой виктимологическую модель структуры личности жертвы, подразделяемую на несколько подструктур. Используемые в модели признаки сами по себе не имеют виктимологического значения, т.к. характеризуют любого человека (за исключением уголовно-правовых признаков). Однако, в зависимости от положительного или отрицательно-го социального значения признаков, они могут стать виктимогенными или антивиктимогенными.

Как уже отмечалось, поведение потенциальной жертвы образует ситуацию, предшествующую корыстному преступному посягательству, в зависимости от которого можно создать модель виктимогенных ситуаций. Виктимологическое моделирование корыстной преступности предполагает создания соответствующей модели на основе исследования типологии постпреступного поведения жертв, поскольку оно влияет на уровень латентности корыстных преступлений.

Виновная виктимность жертвы не может служить основанием для лишения ее процессуального статуса потерпевшего, а тем более для отказа в защите государством от корыстного преступления. Конкретное поведение жертвы в сочетании с условиями жизни зачастую определяют характер преступления и виктимологическое моделирование корыстной преступности.

Изучая корыстные преступления, в первую очередь, необходимо найти ту совокупность виктимологических признаков определенной социальной группы населения, которые наиболее полно охарактеризовали бы виктимность жертвы корыстного преступления.

Зарубежные психологии отмечают, что отношение к деньгам является важным компонентом виктимолого-экономического сознания социальных групп и отдельных людей. Результаты их исследований позволили классифицировать людей на две существенно различающиеся группы: «материально удовлетворенных» и «материально неудовлетворенных». Представители первой группы контролируют свои финансы, тем самым сохраняя виктимность в потенци; представители второй группы позволяют деньгам управлять их поведением и провоцируют виктимное экономическое поведение (долги, эмоциональные расстройства, психосоматические заболевания). Существует ряд факторов, определяющих антивиктимогенную материальную удовлетворенность: уровень личного благосостояния, уровень материальных по-

требностей, направленность личности, опыт предыдущего удовлетворения материальных потребностей и положительная высокая оценка вероятности удовлетворения материальных потребностей в будущем [25].

Корыстные преступления являются наиболее распространенными. Опасность их состоит в том, что существование корыстной преступности причиняет значительный материальный и моральный ущерб населению, способствует незаконному обогащению преступников, а также укреплению стереотипа паразитического образа жизни определенной социальной страты [26]. Объектом виктимологического моделирования стала корыстная преступность в связи с тем, что сами корыстные преступления являются наиболее распространенными, как в нашей стране, так и за ее пределами. Кроме того, результаты социологических опросов, свидетельствуют о наличии страха граждан перед преступностью, особенно велика боязнь пострадать от уличных преступлений корыстной мотивации.

Гипотеза. Корысть представляет собой обширную палитру материальной выгоды и одновременно является базовым элементом виктимологического моделирования корыстной преступности.

Вывод. Создание виктимологической модели корыстной преступности основано на том, что корысть является ядром виктимности на всех уровнях. Так, на индивидуальном уровне корысть выступает как системообразующий элемент модели мотивации виктимного поведения и как виктимогенное свойство личности жертвы. На групповом уровне виктимологического моделирования ключевым звеном является потенциальная виктимогенность отдельных социальных страт и их представителей, которая зависит от виктимологических нюансов подвидов корыстной преступности.

Список литературы

1. Астафьев К. В. Виктимологический аспект мошенничества (уголовно-правовое и криминологическое исследование): Автореф. дисс. канд. юрид. наук. - Казань, 2007.
2. Бальзак О. Гобсек. - М.: Правда. 1989.
3. Безверхов А. Г. Имущественные преступления. - Самара, 2002.
4. Бойцов А. И. Преступления против собственности. - СПб.: Юридический центр, 2002.
5. Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова. - СПб.: Норинт, 2001/
6. Волков Б. С. Корысть // Мотивы преступлений (Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). - Казань: Изд-во Казанского университета, 1982.
7. Гаухман Л. Д. Максимов С. В. Ответственность за преступления против собственности. - М.: ЮрИнфоР, 1997.
8. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Избранные произведения. Том 1-2. Серия: Философское наследие. - М., 1964.
9. Дейнека О. С. Экономическая психология. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
10. Игнатов А. Н. Криминологическое исследование виктимологической составляющей механизма совершения насильственных преступлений // Общество и право. - 2015. - № 4 (54). - С. 145-150.
11. Игнатов А. Н. О насилии, его видах и их уголовно-правовом отражении // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. - 2016. - № 4 (37). - С. 59-65.
12. Игнатов А. Н. Понятие общеуголовной преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. - 2018. - № 1 (39). - С. 6-10.
13. Игнатов А. Н. Страсть как фундаментальная составляющая мотива преступного поведения // Общество и право. - 2015. - № 1 (51). - С. 63-68.
14. Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. - Горький, 1974.
15. Кашкаров А. А. Виктимологический механизм должностной преступности // Общество и право. - 2016. - № 2 (56). - С. 206-209.
16. Криминология XX век / Под ред. В. Н. Бурлакова и В. П. Сальникова. - СПб., 2000.
17. Кропоткин П. А. В русских и французских тюрьмах // В кн.: Этика: Избранные труды. М., 1991.

18. Кузнецова Н. Ф. Антисоциальная экономическая психология // Проблемы криминологической детерминации. Под ред. В.Н. Кудрявцева. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
19. Локк Дж. Сочинения в трех томах: Том 3. Серия: Философское наследие. - М.: Мысль, 1988.
20. Лопашенко Н. А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. - М.: ЛексЭст. 2005.
21. Мартынова С. И. Условия зарождения и развития корысти // Теория и практика общественного развития. - 2005. - № 1. - С. 43-45.
22. Миненок М. Г., Миненок Д. М. Корысть: криминологические и уголовно-правовые проблемы. - СПб.: Юридический центр, 2001.
23. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. РАН. - 4 изд. - М.: Азбуковник, 1999.
24. Сафонов В. Н. Организованное вымогательство, уголовно-правовые и криминологические аспекты: Монография. - СПб.: Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000.
25. Семенов М. Ю., Ефремов Е. Г. Материальная удовлетворенность // Омский научный вестник. - 2003. Вып. 23. - № 2. - С. 207-210.
26. Ситковский А. Л. Корыстная преступность как одна из современных угроз безопасности российского общества // Российский следователь, 2008. № 13.
27. Толпыкин В. Е. Насилие и ненасилие как формы проявления и разрешения социальных противоречий и конфликтов // Философия права. - 2009. - № 6. - С. 8-9.
28. Фенько А. Б. Проблема денег в зарубежных психологических исследованиях // Психологический журнал. - 2000. - № 1. - С. 50-62.
29. Фрагменты изречений ранних греческих философов / Пер. и сост. Дилье-Кранц. - М., 1989. Ч. 1.
30. Франк Л. В. Виктимология и виктимность. - Душанбе, 1972.
31. Чхвимиани Э. Ж. Уголовно-правовая характеристика корыстного мотива преступления и его значение в содержании субъективной стороны состава вымогательства // Российский следователь. - 2011. - № 6. - С. 24-27.
32. Щербатых Ю. В. Психология жадности // Социально-экономические, правовые и общегуманитарные аспекты модернизации Российской экономики. - Воронеж: ВФ МГЭИ, 2011. - С. 215-218.
33. Щербатых Ю. В. Семь смертных грехов или психология порока. - М.: АСТ, 2010.
34. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. - М., 1986.
35. Яни П. Корысть как признак получения взятки // Законность. 2010. № 2.

Vishnevetskiy K.V. Victimological modeling acquisitive crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 5 (71). № 2. – P. 89-98

The Article is devoted to the victimological modeling of mercenary crime. To date, the theory of victimological modeling of crime takes into account insufficiently studied criminology victimological characteristics of mercenary crime, which play a special role in the Commission of mercenary crimes and their social and legal assessment. Greed is a vast palette of material gains and at the same time is a basic element of victimological modeling of mercenary crime. Victimization plays a special role in victimological modeling of a self-serving crime. It is often the victim who is the instigator of the crime committed against her. The actions of a self-serving criminal directly depend on the behavior of the victim, who by his / her illegal or immoral and victimized actions creates conditions for the formation of a criminal plan. The creation of a victimological model of acquisitive crime is based on the fact that self-interest is the core of victimization at all levels, both on an individual and group level.

Keywords: criminology, victimology, victimization, victimization, victimological modeling, greed, profit motive, mercenary crime.

Spisok literatury

1. Astaf'ev K. V. Viktimologicheskij aspekt moshennichestva (ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie): Avtoref. diss. kand. yurid. nauk. - Kazan', 2007.
2. Bal'zak O. Gobsek. - М.: Pravda. 1989.
3. Bezverhov A. G. Imushchestvennye prestupleniya. - Samara, 2002.
4. Bojcov A. I. Prestupleniya protiv sobstvennosti. - SPb.: YUridicheskij centr, 2002.
5. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka pod red. S. A. Kuznecova. - SPb.: Norint, 2001/
6. Volkov B. S. Koryst' // Motivy prestuplenij (Ugolovno-pravovoe i social'no-psihologicheskoe issledovanie). - Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 1982.
7. Gauhman L. D. Maksimov S. V. Otvetstvennost' za prestupleniya protiv sobstvennosti. - М.: YUInfoR, 1997.
8. Gobbs T. Levafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo t grazhdanskogo // Izbrannye proizvedeniya. Tom 1-2. Seriya: Filosofskoe nasledie. - М., 1964.
9. Dejneka O. S. EHkonomicheskaya psihologiya. - SPb.: Izd-vo SPbGU, 1999.

10. Ignatov A. N. Kriminologicheskoe issledovanie viktimologicheskoy sostavlyayushchej mekhanizma soversheniya nasil'stvennyh prestuplenij // *Obshchestvo i pravo*. - 2015. - № 4 (54). - S. 145-150.
11. Ignatov A. N. O nasilii, ego vidah i ih ugovolno-pravovom otrazhenii // *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. - 2016. - № 4 (37). - S. 59-65.
12. Ignatov A. N. Ponyatie obshchegugolovnoj prestupnosti // *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. - 2018. - № 1 (39). - S. 6-10.
13. Ignatov A. N. Strast' kak fundamental'naya sostavlyayushchaya motiva prestupnogo povedeniya // *Obshchestvo i pravo*. - 2015. - № 1 (51). - S. 63-68.
14. Igoshev K. E. Tipologiya lichnosti prestupnika i motivaciya prestupnogo povedeniya. - Gor'kij, 1974.
15. Kashkarov A. A. Viktimologicheskij mekhanizm dolzhnostnoj prestupnosti // *Obshchestvo i pravo*. - 2016. - № 2 (56). - S. 206-209.
16. *Kriminologiya XX vek / Pod red. V. N. Burlakova i V. P. Sal'nikova*. - SPb., 2000.
17. Kropotkin P. A. V russkih i francuzskih tyur'mah // *V kn.: Ehtika: Izbrannye trudy*. M., 1991.
18. Kuznecova N. F. Antisocial'naya ehkonomicheskaya psihologiya // *Problemy kriminologicheskoy determinacii*. Pod red. V.N. Kudryavceva. - M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984.
19. Lokk Dzh. Sochineniya v trekh tomah: Tom 3. Seriya: Filosofskoe nasledie. - M.: Mysl', 1988.
20. Lopashenko N. A. Prestupleniya protiv sobstvennosti: teoretiko-prikladnoe issledovanie. - M.: LeksEHst. 2005.
21. Martynova S. I. Usloviya zarozhdeniya i razvitiya korysti // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. - 2005. - № 1. - S. 43-45.
22. Minenok M. G., Minenok D. M. Koryst': kriminologicheskie i ugovolno-pravovye problemy. - SPb.: YUridicheskij centr, 2001.
23. Ozhegov S. I., SHvedova N. YU. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka*. RAN. - 4 izd. - M.: Azbukovnik, 1999.
24. Safonov V. N. Organizovannoe vymogatel'stvo, ugovolno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: Monografiya. - SPb.: Znanie, SPbIVEHSEHP, 2000.
25. Semenov M. YU., Efremov E. G. Material'naya udovletvorennost' // *Omskij nauchnyj vestnik*. - 2003. Vyp. 23. - № 2. - S. 207-210.
26. Sitkovskij A. L. Korystnaya prestupnost' kak odna iz sovremennyh ugroz bezopasnosti rossijskogo obshchestva // *Rossijskij sledovatel'*, 2008. № 13.
27. Tolpykin V. E. Nasilie i nenasilie kak formy proyavleniya i razresheniya social'nyh protivorechij i konfliktov // *Filosofiya prava*. - 2009. - № 6. - S. 8-9.
28. Fen'ko A. B. Problema deneg v zarubezhnyh psihologicheskikh issledovaniyah // *Psihologicheskij zhurnal*. - 2000. - № 1. - S. 50-62.
29. *Fragmenty izrechenij rannih grecheskih filosofov / Per. i sost. Dil'e-Kranc*. - M., 1989. CH. 1.
30. Frank L. V. *Viktimologiya i viktimmnost'*. - Dushanbe, 1972.
31. CHkhvimiani EH. ZH. Ugolovno-pravovaya harakteristika korystnogo motiva prestupleniya i ego znachenie v sodержanii sub'ektivnoj sotorony sostava vymogatel'stva // *Rossijskij sledovatel'*. - 2011. - № 6. - S. 24-27.
32. SHCHerbatyh YU. V. Psihologiya zhadnosti // *Social'no-ehkonomicheskie, pravovye i obshchegumantarnye aspekty modernizacii Rossijskoj ehkonomiki*. - Voronezh: VF MGEHI, 2011. - S. 215-218.
33. SHCHerbatyh YU. V. *Sem' smertnyh grekhov ili psihologiya poroka*. - M.: AST, 2010.
34. EHngel's F. *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva. V svyazi s issledovaniyami L'yuisa G. Morgana*. - M., 1986/
- YAni P. Koryst' kak priznak polucheniya vzyatki // *Zakonnost'*. 2010. № 2.